

АНГЛИЙСКИЙ СОНЕТ XVIII

ВЕКОВ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «РАДУГА»
1990

Составление А. Л. ЗОРИНА
Предисловие А. Н. ГОРБУНОВА
Комментарии Э. А. КРАСНОВОЙ
Художник Е. М. БЕЛОУСОВА
Редактор К. Н. АТАРОВА

Английский сонет XVI—XIX веков: Сборник/Сост. А. Л. Зорин.— На англ. яз. с параллельным русским текстом.— М.: Радуга, 1990.— 698 с.

Издание включает лучшие образцы английского сонета, начиная с творчества поэтов-елизаветинцев и кончая неоромантиками конца XIX в. Переводы на русский язык включают как классику XIX—XX вв., так и работы современных поэтов и переводчиков.

Книга предназначена широким кругам любителей поэзии.

© Составление, предисловие, комментарии и переводы, отмеченные в содержании знаком *, издательство «Радуга», 1989

А $\frac{4703010200-295}{031(01)-90}$ 493-89

ISBN 5-05-002424-2

In Sepulcretis (2)	500
* На погребение. <i>Перевод Д. Щедровицкого</i>	501
The Passing of the Hawthorn	500
Боярышник. <i>Перевод А. Парина</i>	501
* Боярышник. <i>Перевод Д. Щедровицкого</i>	600
GERARD MANLEY HOPKINS	
ДЖЕРАРД МЭНЛИ ХОПКИНС	
God's Grandeur	502
* Божье величие. <i>Перевод А. Парина</i>	503
Spring	504
Весна. <i>Перевод А. Парина</i>	505
The Windhover	504
* Сокол. <i>Перевод Д. Щедровицкого</i>	505
* Сокол. <i>Перевод Т. Гутиной</i>	600
The Caged Skylark	506
* Жаворонок в клетке. <i>Перевод А. Парина</i>	507
The Lantern Out of Doors	506
Фонарь в ночи. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	507
The Candle Indoors	508
Свеча в дому. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	509
<i>No worst, there is none Pitched past pitch of grief</i>	508
* <i>Бед самых худших нет. Скатысь за скат...</i> <i>Перевод А. Парина</i>	509
<i>I wake and feel the fell of dark, not day</i>	510
<i>Встаю не день, а топь потемок чую...</i> <i>Перевод А. Парина</i>	511
<i>Во рту ночная желчь. Что за часы.</i> <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	601
<i>Thou art indeed just, Lord, if I contend</i>	510
* <i>Ты, Боже, праведен, и в состязанье...</i> <i>Перевод Д. Щедровицкого</i>	511
* <i>Если с тобой сужусь я, Боже, ты...</i> <i>Перевод Т. Гутиной</i>	601

GERARD MANLEY HOPKINS

GOD'S GRANDEUR

he world is charged with the grandeur of God.

It will flame out, like shining from shook foil;

It gathers to a greatness, like the ooze of oil

Crushed. Why do men then now not reckon his rod?

Generations have trod, have trod, have trod;

And all is seared with trade; bleared, smeared with toil;

And wears man's smudge and shares man's smell; the soil

Is bare now, nor can foot feel, being shod.

And for all this, nature is never spent;

There lives the dearest freshness deep down things;

And though the last lights off the black West went

Oh, morning, at the brown brink eastward, springs —

Because the Holy Ghost over the bent

World broods with warm breast and with ah! bright wings.

ДЖЕРАРД МЭНЛИ ХОПКИНС

БОЖЬЕ ВЕЛИЧИЕ

Мир полон до краев величьем божьим.

Оно слепит, как слитков мириад;

Оно зовет к Творцу, как масло из лампад

Разлитое. Что ж промысел корежим?

Груз поколений множим, множим, множим;

Торговли яд, труда тупого смрад

И пот забот во всем — земли утрат

Ногой обутой ощутить не можем.

И все ж природу не ввести в расход;

Есть свежесть в таинстве вещей бездонном;

Хоть черный запад блеск огней уймет,

Но ах! — восток уж тронут бурым тоном;

Ведь Дух Святой наш мир кривой блюдет

Крылами светлыми и теплым лоном.

SPRING

Nothing is so beautiful as Spring—
 When weeds, in wheels, shoot long and lovely and lush;
 Thrush's eggs look little low heavens, and thrush
 Through the echoing timber does so rinse and wring
 The ear, it strikes like lightnings to hear him sing;
 The glassy peartree leaves and blooms, they brush
 The descending blue; that blue is all in a rush
 With richness; the racing lambs too have fair their fling.

What is all this juice and all this joy?

 A strain of the earth's sweet being in the beginning
 In Eden garden.— Have, get, before it cloy,
 Before it cloud, Christ, lord, and sour with sinning,
 Innocent mind and Mayday in girl and boy,
 Most, O maid's child, thy choice and worthy the winning.

 THE WINDHOVER
 (To Christ Our Lord)

He caught this morning morning's minion, king-
 dom of daylight's dauphin, dapple-dawn-drawn
 Falcon in his riding
 Of the rolling level underneath him steady air, and striding
 High there, how he rung upon the rein of a wimpling wing
 In his ecstasy! then off, off forth on swing,
 As a skate's heel sweeps smooth on a bow-bend the hurl
 and gliding

Rebuffed the big wind. My heart in hiding
 Stirred for a bird,— the achieve of, the mastery of the thing!
 Brute beauty and valour and act, oh, air, pride, plume, here
 Buckle! And the fire that breaks from thee then, a billion
 Times told lovelier, more dangerous, O my chevalier!
 No wonder of it: shéer plód makes plough down sillion
 Shine, and blue-bleak embers, ah my dear,
 Fall, gall themselves, and gash gold-fermilion.

ВЕСНА

Нет ничего красивее весны —
Трав сорных сочный, мощный, хищный рост,
Гнездо дрозда — как небо в дождь, и дрозд,
Дробя в деревьях песнь, как ток волны,

Слух оmyвает — мы пригвождены:
Вся яблоня, как белый птичий хвост,
Взмывает в синь, сокровищницу звезд
Слепящую; прыжки ягнят, и те красы полны.

Что есть весь этот сок и восхищенье?
Напев о сладостях земли в начале
Дней райских.— Братъ, откуда пресыщенье

И грех, о Боже, сладость не отняли,
Братъ надо май невинных душ и пенье —
Победный этот клич твои нам длани дали.

СОКОЛ

(Христу, Господу нашему)

Мне поутру попался на глаза
Наследник дня, родня денницы,
в рассвет простертый пестрый Сокол: птица
По воздуха холмам-ступеням твердым ввысь стремится,
Звеня над клубуком крыла, обузданно скользя
В экстазе! Взмах — и вниз: наглажена стезя,
На гладкий крен, на скользкий свод бросок —
и кверху мчится,

Ей нет преград. И сердце так томится
Во мне пред этим мастерством, что выразить нельзя!

О, грубой красоты отвага, воздух, гордость, блеск пера,
Чье пламя ярче и острей — миллионы раз — заране
Тебя являло, о мой Рыцарь! Взлета легкого игра,

Что пашни бороздит серебряные грани!
Вновь падай — и себя, как искру от костра,
Вновь уязвляй, златой багрянец рая!

THE CAGED SKYLARK

s a dare-gale skylark scanted in a dull cage
 Man's mounting spirit in his bone-house,
mean house, dwells —

That bird beyond the remembering his free fells;
 This in drudgery, day-labouring-out life's age.
 Though aloft on turf or perch or poor low stage,
 Both sing sometimes the sweetest, sweetest spells,
 Yet both droop deadly sometimes in their cells
 Or wring their barriers in bursts of fear or rage.

Not that the sweet-fowl, song-fowl, needs no rest —
 Why, hear him, hear him babble and drop down to his nest;
 But his own nest, wild nest, no prison.

Man's spirit will be flesh-bound when found at best,
 But uncumberèd: meadow-down is not distressed
 For a rainbow footing it nor he for his bones risen.

THE LANTERN OUT OF DOORS

ometimes a lantern moves along the night,
 That interests our eyes. And who goes there?
 I think; where from and bound, I wonder, where,

With, all down darkness wide, his wading light?
 Men go by me whom either beauty bright
 In mould or mind or what not else makes rare:
 They rain against our much-thick and marsh air
 Rich beams, till death or distance buys them quite.

Death or distance soon consumes them; wind
 What most I may eye after, he in at the end
 I cannot, and out of sight is out of mind.

Christ mind: Christ's interest, what to avow or amend
 There, éyes them, heart wánts, care haúnts, foot fóllows
kínd,
 Their ránsom, théir rescue, ánd first, fást, last friénd.

ЖАВОРОНОК В КЛЕТКЕ

ак вольный смельчак жаворонок, вторгнутый
в тесную клеть,

Рвущийся дух человека заключен в скелета костях,

Птица — за пределами воспоминаний о жизни

привольной птах,

Дух — жизни век отмеряя, долженствуя хрипеть и терпеть.

В траве, на насесте, на жалких подмостках, не в силах

взлететь,

Оба они, бывает, поют о сладчайших страстях,

Но, бывает, и страждут тяжко, и томятся в тесных

клетях,

И в страхе и ярости рвутся клетки рубеж одолеть.

Что ж, поющая птица, вездесущая птица не хочет покоя?

Нет, ты слышишь, рокочет она, низвергаясь в гнездо родное —

Не в тюрьму, а в родное гнездо, коего нет родней.

Дух от плоти неотделим в любой судьбе человеческой.

Но не ущемлен: ущерба не терпит луг расцветший

От поступи явленной радуги, а дух — от воскресших

костей.

ФОНАРЬ В НОЧИ

онарь, бывает, вижу я в ночи.

Он манит взор, и я стою, гадаю:

Чей? кто его несет?— я не узнаю,

Зачем колеблют ночь его лучи.

Ум теплится ли пламенем свечи,

Краса в ком, сердце ль — я не выбираю:

Померкнет свет, тьме — ни конца, ни краю;

Погиб, исчез?— попробуй, отличи.

Смерть, расстоянье — вот и весь резон:

К чему, скосив глаза, глядеть вокруг?

Коль с глаз долой, так и из сердца вон.

Христос — глаза и сердце; боль, недуг

Врачует он, за нами без препон

Идет — спасенье, выкуп, кров, опора, друг.

THE CANDLE INDOORS

Some candle clear burns somewhere I come by.
 I muse at how its being puts blissful back
 With yellowy moisture mild night's blear-all black.
 Or to-fro tender trambeams truckle at the eye.
 By that window what task what fingers ply,
 I plod wondering a-wanting, just for lack
 Of answer the eagerer a-wanting Jessy or Jack
 There/God to aggrándise, God to glorify.—

Come you indoors, come home; your fading fire
 Mend first and vital candle in close heart's vault:
 You there are master, do your own desire;
 What hinders? Are you beam-blind, yet to a fault
 In a neighbour deft-handed? are you that liar
 And, cast by conscience out, spendsavour salt?

* * *

No worst, there is none. Pitched past pitch of grief,
 More pangs will, schooled at forepangs, wilder wring.
 Comforter, where, where is your comforting?
 Mary, mother of us, where is your relief?
 My cries heave, herds-long; huddle in a main, a chief
 Woe, wórd-sorrow; on an áge-old anvil wince and sing—
 Then lull, then leave off. Fury had shrieked “No ling-
 ering! Let me be fell: force I must be brief”.

O the mind, mind has mountains; cliffs of fall
 Frightful, sheer, no man-fathomed. Hold them cheap
 May who ne'er hung there. Nor does long our small
 Durance deal with that steep or deep. Here! creep,
 Wretch, under a comfort serves in a whirlwind; all
 Life death does end and each day dies with sleep.

СВЕЧА В ДОМУ

Свечи — вдруг — блеск в окне я вижу иногда.
 Смотрю, как пламень благостный смывает прочь
 Тьму, желтой влагою расплавив ночь,
 В глазах веретеном снует туда-сюда.
 За тем стеклом — чья жизнь, чьи руки, чья судьба?
 Молюсь в ночи, в тиши, хочу помочь
 Им — Джесси? Джек? — чей сын? чья дочь? —
 Господа славить, восхвалять дела его всегда.

Войди же в дом; свой тлеющий очаг
 Вскорми, затепли вновь свечу живую, коль
 Скоро ты хранишь хотя б крупицу благ.
 Иль твое сердце там, где истребляет моль?
 С бревном в глазу снуешь? и сам себе ты враг?
 Пустая совесть, обессоленная соль?

* * *

Бед самых худших нет. Скатясь за скат
 Тоски, боль точит злей, участь у прежней.
 О Утешитель, где твой взор утешный?
 Мария, мать, где родник отрад?
 Мой крик повис — вобрал в свой гул-набат
 Скорбь мира; выковался в звон нездешний,
 Истек, истаял. Гнев сквозь мрак крошечный
 Кричал: «Раздую страхом злой разлад!»

Есть в разуме вершины, есть провалы
 Без мер меж скал. Тут отмахнется тот,
 Кто не висел над ними. Миг лишь малый
 Мы видим круть иль глубь. Ползи, урод:
 Внизу уют. К концу придет начало:
 Смерть сгубит жизнь, всяк день со сном умрет.

* * *

wake and feel the fell of dark, not day.
 What hours, O what black hours we have spent
 This night! what sights you, heart, saw; ways you went!
 And more must, in yet longer light's delay.

With witness I speak this. But where I say
 Hours I mean years, mean life. And my lament
 Is cries countless, cries like dead letters sent
 To dearest him that lives alas! away.

I am gall, I am heartburn. God's most deep decree
 Bitter would have me taste: my taste was me;
 Bones built in me, flesh filled, blood brimmed the curse.

Selfyeast of spirit a dull dough sours. I see
 The lost are like this, and their scourge to be
 As I am mine, their sweating selves; but worse.

* * *

Thou art indeed just, Lord, if I contend
 With thee; but, sir, so what I plead is just.
 Why do sinners' ways prosper? and why must
 Disappointment all I endeavour end?

Wert thou my enemy, O thou my friend,
 How wouldst thou worse, I wonder, than thou dost
 Defeat, thwart me? Oh, the sots and thralls of lust
 Do in spare hours more thrive than I that spend,
 Sir, life upon thy cause. See, banks and brakes
 Now, leavèd how thick! lacèd they are again
 With fretty chervil, look, and fresh wind shakes
 Them; birds build — but not I build; no, but strain,
 Time's eunuch, and not breed one work that wakes.
 Mine, O thou Lord of life, send my roots rain.

* * *

Встаю — не день, а топь потемок чую.
 Что за часы нас ждали в темноте
 Ночной! Забыть ли, дух, дороги те?
 День медлит — и опять брести вслепую.

Свидетельства привезь? Я именую
 Часами годы, даже жизнь. К черте
 Придя, я крик свой на пустом листе
 Ему, кого люблю, все шлю впустую.

Я желчь, изжога. По моим делам
 Бог дал мне горький вкус. Мой вкус — я сам.
 Кость, мясо, кровь росли, проклятьем зрея.

С дрожжами духа тесто киснет. Срам
 Всем проклятым — как всё, бичу предам
 Свою срамную суть в поту. Нет, злее.

* * *

Ты, Боже, праведен, и в состязанье
 Ты победишь меня, хоть я и прав:
 Доколе грешник, кривды путь избрав,
 Цветет, а мой удел — одни терзанья?
 Скажи: врагу какое ж наказание
 Сыскал бы ты — так друга покарав?
 Всем пьяницам, всем, чей порочен нрав,
 Ты даровал и волю, и дерзанье,
 Мне ж — нет! Взгляни: леса шумят листвою,
 И между птиц, средь их трудов напевных —
 Лишь я не строю! Ни одной живой
 Я вещи не родил — бессильный евнух!
 Бог Жизни! Ниспошли же ливень свой
 Моим корням средь засух многодневных!..

ДЖЕРАРД МЭНЛИ ХОПКИНС

СОКОЛ

видел нынче утром фаворита

Зари, дофина света, пестрой реки героя —

Сокола, седлавшего ветер. Пространство крѡя

Крылом — как ходил на корде крыла! Как бита

Была высота! Как он скользил в ней — открыто —

Как конькобежец, шага длину утра

На повороте.— Ветер!— Дух мой, от непокоя

Укрытый, взвился.— О мощь! О зоркость зенита!

Дикая красота и доблесть, перо и воздух, свершенье —

Вместе отныне! И — огонь, что ты высек, в миллионы

Раз прекрасней, столь же опасней, о мой командор!

Что удивляться: плуг — и тот, пройдя все препоны,

Горит. И голубо-бледные угли в паденье,

Расщепляясь, багровым золотом брызжут изо всех пор.

Перевод Т. Гутиной

* * *

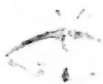
В о рту ночная желчь. Что за часы
 Прошли, еще пройдут! о, сколько ран
 Оставит ночь, о, сердце, сколько стран-
 ных лиц пройдет до утренней росы!

Свидетель я. Я говорю, часы, --
 Нет, годы, жизнь пройдет, как караван
 Бессчетных мольб, к тому, чей океан
 Любви — неколебимые весы.

Изжога жжет. Господень каждый шаг
 Горчит на вкус, я этот вкус, я наг,
 Кровь порченная, проклятая плоть.

Наш дух вздымает тесто. Передряг
 Закваска — наше «я», наш злейший враг —
 Себя, заблудших, потная щепоть.

Перевод Д. Сильвестрова

* * *

В сли с тобой сужусь я, Боже, — ты
 Прав, и однако же спрошу теперь:
 Зачем путь кривды гладок; мне же дверь
 Закрыта и горят мои мосты?

Ты прав и помыслы твои чисты,
 Но враг бы столько не принес потерь
 Мне, сколько ты. Тот, кто живет, как зверь,
 Тебе, мой Бог, нужней, чем красоты

Твоей ревнитель. Глянь, вон брег одет
 В зеленое опять, вон кружева
 Сплел кербель, ветром походя согрет;

Вон птицы строят — я не строю, нет,
 Но — евнух времени — сам жив едва.
 МОИМ корням дай дождь, глазам дай свет.

Перевод Т. Гутиной

сонета организованы по принципу «волны» — прихода весны и умирания природы при соблюдении почти полного синтаксического параллелизма, усиливающего антифонический эффект стиха.

ДЖЕРАРД МЭНЛИ ХОПКИНС (*Gerard Manley Hopkins*, 1844-1889) — поэт, католический священник. Родился в Стрэтфорде (Эссекс) в семье дипломата, окончил Оксфорд, принял католичество (1866); был приходским священником, членом ордена иезуитов; преподавал древние языки и риторику в колледже в Ланкашире и Дублинском университете (1844—1889). Умер, заразившись тифом при обследовании дублинских трущоб.

При жизни поэт не печатался. Первое издание стихов *Poems* вышло в 1918 г. под редакцией друга Хопкинса поэта Роберта Бриджеса (*Bridges*, 1844-1930). Поэзия Хопкинса — главным образом, философская лирика: драматические размышления над красотой природы и порочностью человека, бесконечной уязвимостью красоты и чистоты в мире, воссоздание внутреннего противостояния правоверного, убежденного католика Богу, создавшему несправедливый мир и обрекающему смерти все живое, поражающие своей безысходностью душевные муки и трагедия духа, стремящегося одолеть греховную плоть.

Хопкинс — один из наиболее оригинальных и интересных поэтов-новаторов викторианской эпохи, предложивший своеобразную теорию сонета, создатель необычных «ломаных» или «прерывистых» ритмов (*Sprung Rhythm*), акцентного стиха — нововведений, направленных на устранение условной границы между языком поэзии и прозы. В поэтическом наследии Хопкинса, в большой степени определившем его литературную известность, важнейшее место занимает сонет. Он считал этот жанр наиболее совершенной формой выражения: “One of the most successful forms of composition known ... its proportions, inward and outward ... pretty near perfection” (*The Correspondence of G. M. Hopkins and R. W. Dixon*, L., 1955, 85-86). Известно 35 сонетов Хопкинса, первые 12 из которых считаются ранними (1860—1875), и остальные сонеты 2-го периода, среди которых особо выделяется группа стихов, часто называемых либо «дублинскими» (*Dublin Sonnets*), либо «скорбными сонетами», «сонетами отчаяния» (*Sonnets of Desolations, The Terrible Sonnets*, 1885-1889). Хопкинс считал форму

английского сонета несовершенной — он заметно короче классического итальянского, в каждой строке которого 13 слогов, и сами слоги в итальянском сонете длиннее. Этот пробел, по мнению Хопкинса, должен быть восполнен так называемыми дополнительными стопами (*outriding feet*), введением «ломаного» ритма и контрапункта (*counter-point, or reversed rhythm*), что нарушает регулярность десятисложной строки или пятистопного ямба традиционного английского сонета и приближает ритм стиха к естественному ритму разговорной речи и музыкальному ритму.

GOD'S GRANDEUR — этот и четыре следующих сонета написаны в 1877 г. во время работы в колледже св. Беуно (*St. Beuno*) в северном Уэльсе. Сонет написан традиционным пятистопным ямбом, контрапунктированным более свободным ритмом, на него наложенным; создается полифонический эффект. Сонет демонстрирует мастерское владение звуковой стороной стиха, в частности множественной аллитерацией: “The chiming of consonants I got in part from the Welsh which is very rich in sound and imagery” (*Letters of G. M. Hopkins to Bridges*. Lnd., 1935, p. 38). 1. **charged** — *зд.* игра значений: 1) заряженный электричеством; ср. ассоциативный ряд образов сонета: *flame, shining, lights, bright*; образ электрического заряда часто используется в поэзии Хопкинса (ср. “All things therefore are charged with love, are charged with God, and if we know how to touch them, give off sparks and take fire, yield drops and flow, ring, and tell of him” — *The Sermons and Devotional Writings*. Oxford, 1959, p. 195), 2) обременять (долгом, который должен быть выплачен); ср. значения слов “*spent*”, “*dearest*”, 3) возлагать ответственность. 3. **the ooze of oil** — образ вызывает сложные ассоциации с помазанием, с ветхозаветной оливой, символом власти, царской и жреческой. 4. **reck his rod** — игра значений: 1) *rod of authority* — жезл власти, 2) *good* (*древнеангл.*) — крест; слияние ветхо- и новозаветных представлений о Боге. 5. **Generations have trod** — возможно, отзвук оды Китса *To the Nightingale* (“No hungry generation tread thee down”). 13. **bent** — игра значений: 1) согнутый, испорченный человеческим прикосновением, 2) бесчестный.

SPRING — сонет написан в правильном ритме за исключением первых строк октавы и секстета (опущены неударные слоги), строка 10 приближается к «ломаному» ритму.

2. **weeds, in wheels** — распространенный образ круга как христианского символа циклического развития. 3. **look little low heavens** — опущение союза “like” способствует компрессии сравнения. 6. **leaves and blooms** — либо существительные, либо глаголы, относящиеся к “they”. 11. настойчивая мольба, обращенная к Христу, обратить к себе умы и души молодых людей до того, как их отяготит грех, задержать и сохранить для себя весну человеческого духа (their Mayday). Соком юности (juice), быстро пресыщаются (cloy), и он теряет свою прозрачность (sour with sinning).

THE WINDHOVER (TO CHRIST OUR LORD) — “The best thing I ever wrote,” — говорил поэт об этом сонете. О подзаголовке к сонету Хопкинс заметил: “It is clue to my chevalier who is Christ.”

Сонет пронизан теологическими мотивами. Природная, естественная красота сокола — лишь бледный отблеск великолепия Иисуса Христа. Скрытая аллюзия на трагическую красоту жертвенных страданий вызывает ассоциации с распятием. Последние три строки сонета — признание способности видимого мира «вещей» отражать славу и величие высшего начала. Сонет написан в «ломаном» ритме. 4. **rung upon the rein** — совмещение двух значений: 1) = he reins himself in hovering, rising in rings, 2) термин конного спорта — объезжать лошадь на длинной узде. 6. **bow-bend** — *зд.* широкая арка. 7. **achieve** — *зд.* achievement. 10. **Buckle** — форма либо повелительного, либо изъявительного наклонения, может означать: 1) внезапно осознать вездесущее присутствие Бога (inscape), 2) утратить значение на фоне божественного великолепия Христа, воссиявшего над миром после того, как его физическая красота была разрушена актом его жертвоприношения, 3) отступить под давлением сверхъестественной, трансцендентной красоты. 11. **dangerous** (*уст.*) — могущественный; **O my chevalier** — обращение к Христу, насыщенное ассоциациями с рыцарской куртуазной поэзией, идеалами героизма, благородства, красоты, достоинства. Хопкинс следует своему учителю Игнатию Лойоле (1491—1556), наделявшему Христа рыцарскими достоинствами. 13. **ah my dear** — ср. у Дж. Герберта о распятом Христе: “Ah, my dear, I can-not look on thee”. 14. **gash gold-vermilion** — королевские геральдические цвета; **vermilion** — цвет царской крови из ран Христа, она же — то «золото», которое испуло грехи мира.

THE CAGED SKYLARK — новая интерпретация традиционного мотива плененного духа, встречающегося у многих поэтов (Ф. Сидни, Э. Марвелл и др.). Сонет, однако, не просто вариация на платоновскую тему, но аллегория личной жизни поэта, добровольно связавшего себя жесткой рутинной христианской аскезы; заканчивается обращением к образу Воскресения. Написан в «падающем» ломаном ритме пеона, четырехсложного размера, с первым ударным и следующими тремя неударными слогами. 1. **skylark** — традиционный образ свободного полета. 5. **turf** — дерн, который обычно помещался в клетку жаворонка. 13. **meadow-down is not distressed** — после Воскресения человек будет не более отягощен своей плотью, чем “meadow-down is distressed by being rested upon by a rainbow-foot.”

THE LANTERN OUT OF DOORS — сонет написан в год принятия сана, возможно, в марте-апреле 1877 г. Один из так называемых «священнических сонетов» (“priestly” sonnets), в которых поэт размышляет о миссии служителя церкви. Сонет написан в правильном ритме, 12-я строка — в ломаном. 8. **buys** — *зд.* поглощает. 9-10. Объясняя неясность синтаксической конструкции, Хопкинс писал Бриджесу о том, что “the eye ‘winds’ in the sense of following its focus of attention—the lantern moving away and swinging from side to side” (*Letters*, *Op. cit.*, p. 66-67). 12. **Christ mind** — хотя земной интерес человека к человеку утрачивается из-за его смерти или разделяющего людей пространства (death or distance), забота Христа о человеке бесконечна; контраст с пословицей в предыдущей строке “out of sight, out of mind.”

THE CANDLE INDOORS — написан в июне 1879 г. в Оксфорде, был прислан Р. Бриджесу с примечанием: “A companion to ‘The Lantern Out of Doors’, not at first meant to be though, but it fell in” (*Letters*, *Op. cit.*, p. 84). Первый катрен сонета — размышление о физической природе световых волн, отбрасывающих тьму и завораживающих человека; во втором — мысли о природе того живого существа, которое зажгло светильник. От философии поэт переходит к религиозной символике (ср. «Нагорную проповедь» Христа, в которой использован образ лучей от свечи как символа «добрых дел» (“good works to glorify your Father who is in heaven”. — *Matth.*, 5:15-16). Поэт страстно надеется на то, что одинокая свеча — символ доброты ее обладателя. В секстете он обращается

к самому себе, высказывая опасения о том, что его собственное внутреннее пламя нуждается в «новом топливе», а дух требует подкрепления (*needs trimming*). Сонет написан правильным пятистопным ямбом с контрапунктированным ритмом. 7. **Jessy or Jack** — девушка или юноша (имена нарицательные). 8. **There/** — черта означает паузу. 12. **beam-blind** — зр. слеп к своим собственным недостаткам (ср. русск.: бревна в собственном глазу не видеть); аллюзия на Христову проповедь “Judge not, that ye be not judged” и сентенцию, которая сразу за ней следует: “Thou, hypocrite, first cast out the beam out of thine own eye; and then thou shalt see clearly to cast out the mote out of thy brother’s eye” (*Matth.*, 7:5). 14. **spendsavour salt** — отзвук «Нагорной проповеди» в Евангелии от Матфея (5:13), где Христос называет учеников «солью земли» и предупреждает их не терять ее особого вкуса (*savour*), ибо без него соль бесполезна.

NO WORST, THERE IS NONE. PITCHED PAST PITCH OF GRIEF... — этот и два следующих сонета относятся к группе восьми поздних «Дублинских сонетов», большая часть которых, вероятно, была написана в 1885 г. после длительной полосы мучительно угнетенного состояния духа. Жизнь, по словам поэта, превращалась в «жестокое, утомительное, однообразное существование, почти невыносимое». “The keener the consciousness, the greater the pain,” — писал Хопкинс (*Meditation on Hell, Sermons*, 1882, p. 138). Исчезает пантеистическое ощущение природы, резко меняется структура метафорики. Мир для поэта катастрофически разорван, почти оставлен Богом, утрачены осмысленные связи, красота мироздания осквернена всеобщей порочностью. Форма сонета традиционна, хотя нерегулярность ударений в некоторых строках создает почти «ломаный» ритм. 2. **schooled at forepangs** — закаленный предыдущими страданиями. 9-14. **cliffs of fall/Frightful...** — зр. возможны реминисценции из «Короля Лира» (ср. акт III, сц. IV; акт IV, сц. VI).

I WAKE AND FEEL THE FELL OF DARK, NOT DAY — написан традиционным размером при свободном распределении ударений. 1. **the fell of dark** — возможно также, ассоциация с «Макбетом»: “...my fell of hair/Would at a dismal treatise rouse and stir/As life were in’t” (V, 5, 10-12). 6. **I mean years, mean life** — приступы отчаяния с возрастом становились дли-

тельнее и казались вечностью (“Soon I am afraid I shall be ground down to a state like this last spring’s and summer’s when my spirits were so crushed that madness seemed to be making approaches” (1 Sept. 1885, *Letters*, Op. cit., p. 222).

THOU ART INDEED JUST, LORD... — написан 17 марта 1889 г. за три месяца до смерти, когда поэт окончательно пришел к сознанию полной бесплодности пяти лет, проведенных в Ирландии, о чем он сделал трагическое признание в записи от 1 января 1888 г.: “All my undertakings miscarry. I am like a straining eunuch. I wish then for death, yet if I die now, I should die imperfect, no master of myself, and that is the worst failure of all. Oh my God, look down on me” (*Sermons*, p. 262). Сонет написан в правильном размере пятистопного ямба. Ему предпослан латинский эпиграф из «Плача Иеремии», соответствующий трем первым строкам сонета:

Justus quidem tu es, Domine, si disputem
tecum; verumtamen justa loquar
at te: Quare via impiorum prosperatur? (*Jer.* XII, 1)

13. **Time’s eunuch** — см. выше цитату из дневника; то же признание — в письме Р. Бриджесу от 12 января 1888 г.: “All impulses fail me: I can give myself no sufficient reason for going on. Nothing comes: I am a eunuch—but it is for the kingdom of heaven’s sake.”